

Письма в редакцию

ТРИ ВОЗРАЖЕНИЯ

Давно находясь на пенсии, я не собирался писать никаких писем в редакцию. Однако жизнь, столь стремительная в своем развитии, ставит иногда столь неожиданные «заковыки»-загадки, что не могу выдержать и хочу дать «разгадки»-разъяснения по ряду вопросов, с которыми мне пришлось столкнуться в последние годы.

Возражение первое: Дания не была постоянным «вечным» другом России

Моя жизнь сложилась так, что несколько лет мне довелось работать на Крайнем Севере нашей страны — в Печенгском районе Мурманской области. Вообще-то считаю, что была допущена — еще при царях — историческая несправедливость, когда называли область Мурманской и сразу за рубежом объявились те, кто заявлял, что это слово происходит от слова «норман», что значит житель древней Скандинавии. А надо было бы назвать эту область «Кольской» по имени полуострова и по имени древней Колы — старинного поморского названия того места, где сейчас стоит областной центр.

Так вот, в те годы, когда я там жил, по заданию местных властей мне поручали выступать с лекциями перед местным населением, рассказывать об истории этого края, о его богатствах и путях развития. Мне лично импонировала Печенга, тот район, где находилась наша геологоразведочная партия Наркомцветмета, а затем Минцветмета. Собирать материал для лекций доводилось отовсюду: сидел даже в Ленинской библиотеке в Москве, работал в мурманских библиотеках, где через мои руки прошло огромное количество мелких, зачастую противоречивых по фактуре статей.

Тогда и зародился глубокий интерес к истории этого края и его международных связей.

Появилась мысль о книге. И вот когда был переведен в Москву, начал скрупулезно собирать материал для этого труда. Писал книгу почти двадцать лет. Она вышла в 1965 году в Мурманском книжном издательстве и вобрала в себя историю этих мест (Печенги) с древнейших времен до наших дней. Насколько знаю, это и до сих пор единственный труд по истории Печенги, войн в этом районе, мирных договоров России по поводу войн, имевших место в здешних скалах, а также экономических связей Москвы через российский Север.

Почему пишу обо всем этом? Да потому, что меня удивляет та кампания рекламы датских товаров, которая проводится ныне повсюду под одним и тем же лозунгом: «Дания — это единственное европейское государство, которое никогда не воевало с Россией».

Это неправда. Правильнее было бы сказать, что Россия никогда в истории не нападала на Данию. Войска Советской Армии в конце второй мировой войны, правда, побывали как освободители на датской территории — острове Борнхольм, но это не в счет. А вот Дания, ее войска, особенно в период расцвета Датского королевства в средние века, много раз совершали набеги на территорию российского Севера с целью грабежа: они сжигали дотла селения, грабили и убивали местных жителей, а короли Дании много раз предъявляли русским царям свои претензии на русский Север. Особенно отличался в этом плане датский король Христиан IV, который не раз заявлял русским послам, что он не потерпит никаких промедлений с передачей под его корону Восточной Лапландии (ныне Лапландия — это северные заполярные части Норвегии, Швеции, Финляндии и России — Кольский полуостров). Датчане грабили и в море: нападали на те суда, которые везли товары в Россию. Так были разграблены гамбургские и голландские торговые корабли.

Но и до Христиана IV напряженность в отношениях с Данией то и дело перерастала в военные набеги датчан и столкновения с русскими.

Взаимоотношения русских с датчанами в стране саамов (Лапландии) официально должны были регулироваться договором, заключенным еще в 1326 году между Новгородом и Норвегией, а затем подтвержденным договором между московским великим князем Василием Ивановичем и королем Дании Гансом в 1506 году. Каждая сторона обязалась не нарушать рубежей другой, а прежние обиды обеими сторонами предавались забвению (см. *Щербачев Ю.Н.* Датский архив. — М., 1893. — С. 1).

Однако договор — договором, а жизнь — жизнью: натиск Датского королевства и его вооруженные наскоки на российский Север продолжались. «Не нарушать рубежей» оказалось трудным и

сложным делом при отсутствии четких границ на местности. На Севере сложилась практика сбора дани датчанами с саамов и со всех поморов, которые занимались рыбным промыслом вдоль морского побережья, далеко в пределах российского Кольского полуострова. Находившаяся в городке Варде датская стража стала запрещать печенгским саамам и русским поселенцам вести промысел в прилегающих реках. В 1559 году на это жаловался Ивану Грозному, в частности, саам Ефим, «Онисимов сынишка».

Король Дании и Норвегии Фредерик II принял «решение укрепить Варде», но пока еще он воздержался положительно ответить на запрос своего наместника: не взыскивать ли пошлину с англичан, открывших мореходное сообщение с Россией?

Сильным было в то время Датское королевство, державшее под своей властью Норвегию с ее западной Лапландией. Но и Русское централизованное государство, объединившее вокруг Москвы феодальные княжества, могло уже более твердо постоять за себя.

Однако Россия вела основную свою борьбу на Западе за выход к Балтийскому морю.

Для того чтобы не отвлекать силы от арены главного конфликта с европейскими странами, оттеснявшими Русское государство от Прибалтики, требовалось предотвратить столкновение на Севере. Избежать войны и в то же время удержать свои владения — в этом заключалась задача русской дипломатии в отношении Заполярья. Следовательно, здесь, на Кольском полуострове, необходимо было отстаивать государственные интересы не любыми средствами, а именно мирным путем.

Когда Дания оказалась на пороге семилетней войны со Швецией, Москва и Копенгаген провели успешные дипломатические переговоры. 7 августа 1562 г. в Можайске был заключен договор. В грамоте короля Дании и Норвегии Фредерика II с удовлетворением констатировалось, что Иван Грозный «учинил» его «в приятельстве и в суседстве», и содержалась просьба к русскому царю быть «на всякого недруга заодин». Король принял обязательство — из заморских государств всех людей с товарами к русским гаваням «пропускати без задержанья».

Относительно лапландских владений в этом договоре говорится: «А которые великого государя... земли порубежные сошлись с моими Фредериковыми... землями, з городом Варгавом и с иными месты, ино рубеж ведати на обе стороны по старине...» (Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым//Русская историческая библиотека. — Т. 16. — СПб., 1897. — С. 84).

Однако вскоре выполнить обещание — «держат крепко дружбу» — стало уже не так легко. В ход снова пошло оружие.

В связи со строительством в 1565 году русскими на западном берегу реки Паз церкви Бориса и Глеба (имена первых святых в русской православной церкви — сыновей князя Древнерусского государства Владимира), затем часовни западнее реки Паз в Нявдемском погосте датчане начали протестовать, применяя оружие, но доказать своих прав на эту землю они не могли. Тем не менее на одно из таких заявлений датских послов в 1571 году дьяк Василий Щелкалов передал ответ Грозного, что недоразумения на норвежской границе он прикажет расследовать. И меры действительно были приняты. Голландский купец Симон ван Салинген, зимовавший в 1572 году в Печенге, засвидетельствовал, что Печенгский монастырь уже заселил землю своими людьми и предоставил им «весь семужий лов». Но в том же году монахи получили из Москвы сообщение о претензии датского короля и намеченном расследовании. Как сообщается у Салингена, русскими властями велено было прекратить расселение в западном направлении и даже вернуться из отдаленных становищ за рекой Паз.

В связи с происшедшей между Данией и Россией размолвкой из-за того, что западнее Печенги русские, как жаловались датчане, «вступают в датский уезд Варгаву», мирный договор 1562 года считался нарушенным, и 28 августа 1578 г. в Александровской слободе (близ Москвы) удалось заключить новый договор о перемирии на 15 лет. В нем было подтверждено: «...рубеж ведати по старине» (Русская историческая библиотека. — Т. 16. — СПб., 1897. — С. 155), «а где наши люди позадралися... велети сыскати» рубежи русским и датским судьям, которые должны съехаться на норвежскую границу.

В начале 80-х годов XVI столетия сложилась неблагоприятная обстановка для Русского государства: в 1580 году, еще до окончания более чем двадцатилетней изнурительной Ливонской войны, Иван Грозный начал войну с польским королем Стефаном Баторием. Шведы захватили у России г. Корену (позже Приозерск, Ленинградская обл.) и другие населенные пункты. В это время резко изменилось и поведение датского короля. Он снова пустил в ход оружие.

В 1581 году английская королева Елизавета обратилась к Ивану Грозному: «...не в давне, ныне проведали мы гостей наших челобитью, что им в Кегоре (так в то время назывался полуостров Рыбачий. — *Авт.*), да в Печенге торговати не велено по приказу короля датского...»

В апреле 1582 года датский король Фредерик II направил Эрика Мунка с тремя королевскими галерами на Мурман, предписав ему «хватать идущие в Россию или из России чужестранные суда» и брать их в самой Кольской гавани (ныне Мурманск) (*Щербачев Ю.Н.* Датский архив. — С. 120).

Иван Грозный послал английской королеве твердое разъяснение: «И ты б, сестра наша любная, к нам своим гостем и торговым всяким людем велела... приезжати... безо всякого сумнения; а велела б еси своим гостем и торговым людем ездити бережно с провожатыми, с воинскими корабли для того, что датцкой король... вчинает новое дело, чего николи не бывало, называет наши искони вечные вотчинные земли волость Колу и Печенгу своею и вступаетца в них, в Колу и в Печенгу. А нам с прежними датцкими короли николи спору в тех землях не бывало... И ты б, сестра наша любная, Елизавет-королевна, гостем своим от тех от датцкого короля разбойников на море ходить велела с воинскими корабли... а мы людей воинских в те пристанища посылаем и велим от датцкого короля людей от приходу бережные держать с вашими людьми и с гостми за один, чтоб нашей любви в том поруки не было» (Сборник Русского исторического общества. — Т. 38. — СПб., 1883. — С. 10).

В грамоте, посланной датскому королю Фредерику, Иван Грозный указывал, что дорога к Холмогорам и к Кольской волости «не ново почалася» и что король, «руша» мирный договор и «крестное целованье», в тот морской путь вступается «разбойным обычаем». В заключение этого послания высказывается желание сохранить мир: его «нарушивати ни в чем не хотим» (Русская историческая библиотека. — Т. 16. — С. 189—206).

Конечно, самые сложные отношения России с Данией были в период правления сына Фредерика II — короля Христиана IV, о котором речь шла выше. Он с 1588 года и до конца своих дней в 1650 году упорно добивался, в том числе и военными средствами, чтобы Россия пошла на уступки в споре о Лапландии, хотел захватить все северное побережье Кольского полуострова.

Русские, с одной стороны, давали вооруженный отпор налетчикам, а с другой стороны, всегда стремились уладить дело миром, путем переговоров. В частности, после разграбления датчанами в 1623 году русских становищ, Москва направила Христиану IV решительный протест: «Пристойное ли дело с вашии стороны делаетца, что безо всякие причины нашу казну и людей наших грабить? И хотя б меж наших людей в торговле учинилась и не такая ссора, и... мочно о том сослався с нами... учинити разделку в правду... а не воинским делом, как ныне ваши люди делают неправду воинским обычаем». В грамоте было выражено требование: «...ворам велети учинити казнь, и впредь о том заказ крепкий учинити, чтоб они в нашу землю воинским обычаем не приходили...» (Русская историческая библиотека. — Т. 16. — С. 589—602).

Итак, если подвести итоги по первому возражению, то можно сказать: да, Дания вроде бы никогда и не объявляла войны России, как это зачастую делалось в средние века другими государствами.

Да, не было в истории противостояния Дании и России таких сражений, как Ледовое побоище, Куликовская или Полтавская битвы. Но было постоянное, на протяжении нескольких столетий, стремление Дании захватить, в том числе и завоевать военной силой, Кольский полуостров. От набегов датчан и в стычках с ними погибли многие русские люди да и чужестранцы, которые плыли с целью торговли к российским северным берегам.

Прекратилось все это только после того, когда в Кольском остроге в 1625 году появился военный гарнизон в составе 500 стрельцов. Да и Дания к тому времени уже была не та — пришла в упадок. А в 1701 году Петр Первый дал распоряжение построить в Коле крепость, для того «чтобы в военный случай в том городе в осаде сидеть было надежно».

Вспоминать все это во имя нынешних добрых, основанных на международном праве отношений с Данией, наверное, не стоит. Но и забывать во имя беспардонной лжи тоже нельзя*.

Возражение второе: «неприметные» с точки зрения Запада руды оказались крупнейшим в Европе месторождением

В районе Печенги работали геологи из Финляндии, Канады, Германии, Англии и других стран. Они разведали месторождение самых богатых никелевых руд. Иностранные концессионеры построили рудник и начали добычу. А другие здешние месторождения не представляли интереса, как подтверждали зарубежные специалисты. Руды были «неприметными», потому что вкрапления никеля в них оказались мелкими, едва заметными на глаз. Только химический анализ позволял определить, была ли это на самом деле руда.

После окончания Великой Отечественной войны Наркомцветмет послал сюда геологоразведочную партию. На одном из заброшенных иностранцами месторождений они начали бурить снова. Не буду утомлять специалистов-юристов подробностями работы геологов. Скажу только, что в результате нашей работы удалось открыть такое месторождение «неприметных» руд, которое оказалось крупнейшим в Европе.

В отличие от многих западных стран, мы считаем, что ориентировка на поиски самых богатых руд не везде и не всегда может

* Подробно о российско-датских отношениях, военных столкновениях и мирных договорах между двумя странами см. *Потемкин Л. У северной границы.* — Мурманское книжное издательство, 1965. — *Прим. ред.*

привести к положительным результатам. Богатые руды не являются единственным критерием рентабельности получения конечного результата — выплавки металла.

Еще в XVIII веке, когда Америка была колонией Англии и ни о каком рациональном использовании недр там тогда не было и речи, наше отечественное производство меди из пермских медистых песчаников, имевшее широкое распространение на западном склоне Урала, от Перми до Оренбурга, дало примеры эффективного использования менее богатых сланцев. В записках одной из академических экспедиций, например по руднику у реки Зай, отмечалось, что небогатые, но мягкие легко добываемые и легкоплавкие медистые сланцы позволяли выплавлять медь с меньшими затратами, чем из богатых, но крепких и тугоплавких медистых песчаников (см. *Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 г. — СПб., 1770. — С. 32—34).

Мне хорошо известна история Каджаранского месторождения медно-молибденовых руд в Армении, где я проработал пять лет. Там маломощные зоны с относительно более богатыми рудами первоначально намечалось добывать выборочно подземным способом, но оказалось, что сплошная добыча вместе с более бедными рудами открытым способом рентабельнее. Такой порядок добычи руд существенно укрупнил масштабы производства.

Мы открыли месторождение мощных вкрапленных руд, которые, как оказалось, позволили начать разработки открытым карьерным способом, применяя более сложную и крупную технику, значительно снизить себестоимость металла*.

Во многих случаях на Западе отрабатываются только самые богатые и самые прибыльные полезные ископаемые и допускаются

* Вот что пишут об этом в журнале «Цветные металлы» в № 5 за 1996 год генеральный директор АО «ГМК Печенганикель» И.А. Блатов и главный геолог этого же Акционерного общества С.В. Соколов: «В Печенгском районе все обнаруженные в 30—40-х годах рудопроявления, кроме Каулы и Камикиви, были оценены как бесперспективные. Критический пересмотр этой точки зрения геологами Печенгской геологоразведочной партии бывшего Министерства цветной металлургии СССР (Л.А. Потемкин) привел к открытию в 1947 г. крупнейшего в то время Ждановского месторождения медно-никелевых руд. Общие запасы руды и металлов в нем более чем в 6 раз превысили суммарные запасы всех эксплуатируемых в тот период месторождений. В период 1951—1956 годов была проведена подготовка месторождения к промышленному освоению, и в 1956 году было начато строительство города Заполярный, рудника и обогатительной фабрики, вступившей в строй в 1965 г.». — *Прим. ред.*

большие потери в недрах. Для нас — для России — важно не брать пример с Запада, а сохранить и приумножить то, чему мы научились и чем гордимся, вспоминая годы советской власти. Например, Ждановское месторождение никеля более 30 лет разрабатывается с низкими потерями в недрах, обеспечившими помимо снижения себестоимости металла рациональное использование ресурсов никелевых руд. Все это делается за счет передовой технологии добычи и обогащения. Даже в специальных изданиях тех лет говорилось, что «себестоимость товарного никеля из концентратов Ждановского рудника более низкая, чем стоимость никеля, получаемого из руды месторождения Каула, имеющей содержание никеля в три раза выше, чем руда Ждановского рудника» (см. Сб. техн. инф. — Л.: изд-во «Гипроникель», 1958).

Поэтому и в последние годы (имеются в виду 90-е годы нашего века) руководство комбината ставит вопрос о расширении площадей разведки и добычи как открытым, так и подземным способами никелевых руд Ждановского месторождения.

Интересно, что акционерами горно-металлургического комбината «Печенганикель» являются и представители ряда западных стран. Вот так и получилось, что потомки тех, кто когда-то отвергал потребность в разведке запасов никеля в Каменной тундре (район Печенги), сами пришли сюда, чтобы вложить средства — инвестировать развитие этого месторождения.

Вспоминаю еще один эпизод, связанный с «иностранный помощью». Иностранцы (в этом случае норвежцы, — а они активные члены НАТО) обратились к нам с предложением «помочь» нам обнаружить месторождение свинца на границе СССР — Норвегия, но с нашей стороны границы — южнее Борисоглебского водопада пограничной реки Паз. По их данным, оно обязательно там должно было быть. Мне поручили их сопровождать. Поехали, никакого месторождения не обнаружили. Там, на местности, выяснилось, что наша территория со стороны Норвегии в глубину не просматривается с их вышек. Вот и придумали: прикинулись стать геологами. А цель одна — военно-стратегическая разведка. Так я об этом и доложил в центре. При мне министр И.Т. Тевосян позвонил по «кремлевке»: «Товарищ Молотов, заявка на свинец проверена. Свинца нет».

Все это я вспоминаю для того, чтобы показать, что никакие нам натовцы не партнеры. У них всегда были, есть и будут свои собственные, сугубо шкурные интересы. И расширение НАТО на Восток — явная угроза России. А надеяться на то, что они подбредут, — напрасно. Ничего доброго от них ждать нельзя. Основная задача у них — ослабить нашу страну.

Возражение третье: возмущение

У меня с юности была привычка — писать дневник. А если точнее, то с детства. Жил я тогда в городке Набережные Челны.

Мне было 13 лет, когда один старичок научил меня переплетать книги и подарил переплетный станок. Звали его Алексей Андреевич Бономорский. Я с удовольствием занимался переплетной работой, тем более что получал немалые по тем временам деньги: от 20 до 30 копеек за каждую книгу. А в день рождения он позвал меня и подарил толстую тетрадь, на которой большими буквами написал: «Дневник».

Тетрадь появилась, и надо было ее заполнять. Начал я робко, а потом пошло-поехало. И хотя я поступил после окончания школы в Свердловский горный институт, привычку записывать все события дня в тетрадь я не оставил.

Сохранилась эта привычка на всю жизнь.

О моем увлечении знали друзья и некоторые знакомые. Один из них рассказал о моем дневнике в издательстве «Прогресс», которое, как оказалось, совместно с зарубежными издателями собралось опубликовать несколько дневников советских граждан, которые вели их в 30-е годы. Период был выбран не случайно — это были годы самых жестоких репрессий.

Однажды, летом 1991 года, — я уже давно был на пенсии, — мне позвонила и вскоре появилась у меня дома француженка Вероника Гаррос.

— Мы хотим собрать дневники людей, которые вели их в 30-е годы, — сказала журналистка, — чтобы показать разносторонний подход людей прошлого к событиям тех лет.

Мне такой подход импонировал. Я был горячий сторонник советской власти и согласился с такой постановкой вопроса. Дневник за 1934—1936 годы я дал.

Мне вернули его через два дня, сделав дискеты со всего дневника. К тому времени — в 1991 году — я уже перестал вести дневник. Еще и потому, что ухудшилось зрение. Эта мадам, когда приходила ко мне за дневником, знала, что я из-за плохого зрения уже не в состоянии ни читать как следует, ни тем более писать. Вот и сейчас я, собственно, не пишу это письмо, а диктую, часто заставляя тех, кто пишет, обращаться к источникам.

У меня был телефон Натальи Кореневской, работавшей в издательстве «Прогресс» и участвовавшей в подборе материалов к этой книге. Звонил, узнавал, когда выйдет. Только через четыре года сказали, что вышла.

— Можно ли мне как автору купить хотя бы один экземпляр?

Ответ постоянно звучал: «Нет, нельзя», а потом: «У нас всего один экземпляр».

Попросил, чтобы мне прислали хотя бы внешний вид обложки. Прислали. На обложке стояло: «Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s». В переводе это вроде бы значит: «Повседневность и террор. Советские дневники 1930-х годов». А далее написано: «Отредактировали Veronique Garros, Natalia Korenevskaja и Thomas Lahusen. Директор английского издания Thomas Lahusen. Перевела Carol A. Flath».

Обратился в российское посольство в США с просьбой достать эту книгу. Мне ее достали и вручили в День Победы в 1996 году.

Моя племянница окончила английское отделение Иняза. Она мне перевела то, что напечатано в этой книге за моей подписью.

После ознакомления с переводом у меня случился инфаркт, потом еще и еще повторялись его приступы. Добивают меня американские издатели.

Но я вспомнил, что существует такое понятие, как «международное частное право». Можно было бы подать на издателей в американский суд. Силы у меня не те. Возможности и средства ныне уже тоже не те, что были ранее. Но написать ответ для публикации в журнале пока еще могу. Что и делаю.

Из меня — обычного советского студента тех лет, который горячо любил Родину и учился, чтобы стать ее строителем-патриотом, — сделали в глазах читателя «обманщика», «недоучку» и даже... «предателя».

Посмотрите, как это хитро делали американские издатели с помощью своих агентов — француженки и советской гражданки Корневской.

Пишу это все от своего имени. А всего нас — таких авторов дневников — в книге десять. Из всех десяти, если верить составителям сборника, они написали это в предисловии, в живых сейчас осталось всего двое. А что могут предъявить в случае искажения их мыслей мертвые? Ничего. Мертвые сраму не имут. Но я-то жив. Поэтому от своего имени прежде всего, а значит, и от имени тех мертвых, мысли которых, уверен, тоже искажены, как и мои, протестую против действий и «лихих» журналистов-редакторов, и переводчицы, и издательства «The New Press. New York». За что же меня так осрамили? А заодно и мою Отчизну?

Но все по порядку.

Вся злоба, вся ненависть издательства и ко мне, и к моей стране излита в предисловии и в рекламе книги уже начиная с ее суперобложки. На ней я — студент Свердловского горного института, ударник учебы, бригадир «буксирной бригады» (так тогда назывались те, которые помогали отстающим), председатель профбюро геоло-

гического факультета и член профкома института, слушатель вечернего университета культуры при Свердловском индустриальном институте (впоследствии преобразованном в политехнический; кстати, его заканчивал Б. Н. Ельцин) — представлен как «молодой неграмотный карьерист, изучающий пути достижения успеха в советском обществе». Могу добавить, что этот «карьерист» окончил институт с отличием в числе двух из сорока пяти выпускников.

В предисловии к этой книге редакторы проявили тенденциозный подход. Они мажут черной краской все, что происходило в Советском Союзе в 30-е годы. И даже мой дневник в этом ряду воспоминаний звучит как «вранье» наряду с официальными заметками «Известий», которые, если верить редакторам, тоже «врали» своим читателям, когда описывали карнавал 6 августа 1937 г. в ЦПКиО в Москве. Стремление видеть все в черном свете постоянно сквозит в этой книге, поэтому впечатления от жизни восторженного студента как бы выпадают из общего мрачного тона повествований, противоречат ему.

А теперь о тексте редакторов, который предваряет мой дневник.

Вот что написано обо мне на с. 251 книги: «Он оставил школу прежде, чем он смог продолжать учебу в старших классах, потому что нужно было зарабатывать на жизнь.

...Много высших учебных заведений в то время принимали только выпускников рабочих факультетов (рабфаков), которые существовали в СССР с 1919 по 1940 г. и готовили студентов, не имевших среднего образования. Горные институты не требовали аттестата об окончании рабфака, и таким образом Потемкин подал заявление в Свердловский горный институт и был принят.

В 1937 году он закончил его по специальности инженер-геолог. Он начал свою карьеру буровым мастером и постепенно дошел до заместителя министра геологии (1965—1975)».

Эти данные обо мне написаны составителями сборника понаслышке и с их собственной интерпретацией. У них не было никакого желания дать достоверные, объективные сведения. Они упорно вдавливают в голову читателя мой облик тех лет как «молодого необразованного карьериста».

Фальшивая версия порочит и горные институты СССР, которые якобы вообще «не требовали аттестата об окончании рабфака» и готовили, следовательно, необразованных специалистов. Все это — самое настоящее вранье. Неверно, что многие вузы принимали только выпускников рабфаков. Вузы и втузы в СССР принимали в те годы выпускников девятилеток и рабфаков, но не всех, а только выдержавших приемные испытания. То же самое практиковалось и горными институтами. Совершенно фальшиво измышление, что они не требовали аттестата об окончании рабфака или девятилет-

ки. Да и при предъявлении аттестатов не сразу принимались, а только допускались к приемным испытаниям (экзаменам), и уже затем выдержавшие их и прошедшие по конкурсу принимались (зачислялись) в число студентов.

Мне пришлось окончить 8 классов школы, а программу 9-го проштудировать за два года (с осени 1931 по осень 1933 г.) без отрыва от производства по издававшимся тогда учебникам самоподготовки в вуз. Я после конкурсных экзаменов был принят в институт.

Тот единичный факт, что Уральский горный институт подошел ко мне не формально и допустил к приемным испытаниям одного абитуриента в порядке исключения из общих правил с 8-классным школьным образованием, вывернут издателями шиворот навыворот: «Потому, что институты не требовали аттестата... Потемкин... и был принят».

Все допущенные к приемным испытаниям и принятые в горный институт, кроме меня, имели аттестаты об окончании среднего образования. То, что я подготовился самостоятельно, пользуясь учебниками самоподготовки, за два года, одновременно работая на производстве, никого не удивляло. Ведь раньше сдавали экстерном и за несколько лет школьной программы, но никто не брал под сомнение знания этих выпускников.

К тому же содействие мне оказывала и сестра. Она была постарше меня, имела аттестат об окончании Мензелинской школы II ступени и работала воспитательницей в детском саду. За два года до моего поступления в институт она вышла замуж, в 1931 году окончила курсы по подготовке в Уральский индустриальный институт и была зачислена в него на строительный факультет. Я с интересом читал ее конспекты при подготовке в горный институт и позднее по некоторым предметам, когда уже сам был студентом. Все дело в стремлении к знаниям, и чувствовалась тем большая их недостаточность, чем шире становился круг интересов. Это заставляло не жалеть труда. С жадностью и большим интересом набрасывался на все новое, удивлялся разнообразию тем, их нагромождению в жизни, старался поглубже вникнуть в них.

Все положительное в дневнике вызывает аллергию у составителей, объявляющих мое отношение к обучению в институте «самолюбованием Нарцисса».

Пояснение моей «необразованности» слепо произвольно: «Горные институты не требовали аттестата об окончании рабфака». Тут уж дискредитация советских втузов.

Наконец, две последние фразы, приведенные выше, из вступления к дневнику. Здесь что ни фраза, то ошибка или преднамеренное искажение. «В 1937 году он закончил» институт. Не так,

случилось это в 1939 году. А потом авторам предисловия зачем-то понадобилось «повысить» меня в должности. Я был не «заместителем министра геологии СССР», а заместителем министра геологии РСФСР. Зачем это сделано? Думаю, чтобы показать, — эвон, какую рыбку выловили — самого замминистра всей страны!

А теперь о главном — о тексте самого дневника. Конечно, издатели вольны сокращать текст. Они и сокращали. В тексте много многоточий. Кстати, это пропуски тех мест, где я высказывал патристические мысли, описывал свою любовь к Родине, восторгался ее достижениями в строительстве, культуре, искусстве. Ну, бог с ними. Все это лежит на черной совести издателей.

Но самая главная подлость издателей кроется в искажении перевода. Вот посмотрите на текст, который был в дневнике, где я возмущался собственным несовершенством, где мечтал о гармонии с природой, где требовал от себя превращать «прекрасность мечты в действительность, силу. Эта сила заставила воскликнуть меня — или не жить, или изменить себя. Эта сила возмущения на протяжении восьми лет моего осознанного существования (иными словами, с тринадцати лет. — Авт.) ставила задачи борьбы и побед. Я не только многого хотел, но и принципиально требовал от себя, чтобы многого и мог. Сознание безоговорочно требовало этого, невзирая на физические возможности» (с. 104—105 «Дневника...»). Помню, что я тогда более активно стал заниматься физкультурой, обращать внимание на свое физическое состояние и внешний вид.

В английском тексте оказалось напечатанным: «either betray myself or not live». Я — не лингвист, тем более не знаток английского языка. Поэтому я консультировался со многими специалистами. Все в один голос утверждают, что такой перевод на английский по-русски означает: «или стать предателем, или не жить». Теперь вы понимаете, почему меня хватил инфаркт?

Такой подлости и низости я никак не ожидал. Мало того, что переставили два глагола, так еще и перевели один из них так, что сделали меня изменником. Специалисты говорят мне, что мою мысль можно было выразить спокойным английским глаголом «change», но этого не было сделано. Надо было всунуть в текст «заместителя министра геологии СССР» стремление стать изменником еще в грозные 30-е годы.

Конечно, мне хотелось бы подать в суд на таких грязных издателей, но для этого надо ехать в Америку, искать это издательство, платить бешеные деньги адвокатам и т.д. Мне 83 года. Ни средств, ни сил на громкий процесс у меня нет. Поэтому прошу считать это письмо в редакцию журнала моим искомым заявлением о возмещении физического (потеря здоровья) и морального (подрыв моего авторитета) ущерба.

Пусть привлекут к ответственности тех, чьи фамилии были напечатаны на обложке, которые я воспроизвел в английской транскрипции.

Тем более, я слышал, что эту книгу собираются переводить еще раз на французский и издавать в Париже, что я делать с моим текстом категорически запрещаю.

Если же они соберутся издавать эту книгу на русском языке (оказывается, имеется и такой проект), то пусть публикуют мой дневник в оригинале, а не в «обратном переводе» с английского. Если же будут печатать на других языках, то пусть переводят, но с русского и правильно, а вовсе не с извращенного английского.

Л.А. Потемкин,
бывший заместитель министра
геологии Российской Федерации,
ныне пенсионер

10 июля 1997 года

КАК ПРИМЕНЯТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ДЕЛЕ НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА?

У малого бизнеса в России много проблем. Одна из самых типичных — несоответствие укрепляющихся в экономике рыночных отношений мышлению ряда руководителей власти, особенно местной. Заскорузлость их старого мышления приводит к тому, что они зачастую рассматривают связь с бизнесменами не как партнерскую, а как ту, которую давно надо сдать в архив, — "я — начальник, ты — подчиненный". Редакция нашего журнала получила письмо от руководителя одного из первых в России малых предприятий, созданного еще пять лет назад и потому в московских кругах часто называемого "инкубатором малого бизнеса". В письме, которое публикуется в сокращенном виде, на конкретных фактах раскрывается эта проблема, влекущая за собой и определенные международно-правовые последствия.

Наша информационно-коммерческая компания "Транс-информация", учредитель которой зарегистрирован в Азербайджанской Республике, арендовала в 1993 году старое запущенное и захламленное подвальное помещение в Москве на Университетском